Асмодей Денница
XI XII
Ната Кольт
и
Часы
Апокалипсиса
Сыч&Сыр
18+

Асмодей Денница

Ната Кольт и Часы апокалипсиса

«Автор»
2026

Денница А.

Ната Кольт и Часы апокалипсиса / А. Денница — «Автор», 2026

2187 год. В закрытую школу для детективов и спецагентов «Красный Котёл» поступает Ната Кольт — блондинка с фигурой, перед которой пасуют механизмы, и с репутацией, за которую охотятся все преподаватели разом. Девушка с Пустошей, пережившая паровой смерч, голод и предательство, она умеет стрелять, вскрывать замки, читать мужчин как открытую книгу — и использовать своё тело как самое точное оружие.В первый же день вместо вступительного экзамена Ната находит труп курсантки. Во рту мёртвой — старинные часы, стрелки которых идут назад. Начинается обратный отсчёт: за двадцать четыре часа Пожиратель Времени заберёт жизни ещё семерых, а ровно в полночь школа исчезнет — вместе со всеми, кто в ней находится.Теперь у Наты есть двадцать четыре часа чтобы найти убийцу. В её распоряжении — саркастичный доктор Аврелий Буш, умеющий вскрывать и часы, и черепа; надменный аристократ Кайл Варрент, знающий каждый тайный ход школы; и загадочный куратор Люциус Вейн...

© Денница А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Экзамен в огне 5
Глава 1. Добро пожаловать в Красный Котёл 13
Глава 2. Часы идут назад 22
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Асмодей Денница
Ната Кольт и Часы апокалипсиса

Пролог. Экзамен в огне

«Час пробил, — сказал старый часовщик, закручивая последний винтик. — Осталось только узнать, чей.»

Дирижабль «Королева пара» шёл низко, и туман под ним был не белый, а цвета остывшего чая — с рыжиной от масляных фонарей, с просинью от редких электрических точек, которые Полис зажигал на своих верхних ярусах, как зажигают свечи у покойника: скупо и наверняка.

Ната Кольт стояла у иллюминатора каюты третьего класса, прижавшись лбом к холодному стеклу, и перебирала пальцами цепочку медальона — привычка, от которой у неё на шее давно образовалась светлая полоска, заметная только в воде и в постели. Внизу, в разрывах облаков, лежали Пустоши: тёмные, как бархат, в который кто-то вшил нитки ржавых костров. Восемнадцать лет назад из такой же темноты её вытащили за шиворот и бросили в яму — и с тех пор она не доверяла ни темноте, ни тем, кто вытаскивает.

Медальон был тёплым. Он всегда был тёплым, даже в холодной каюте, даже зимой, и она давно перестала искать этому объяснение: в её жизни хватало вещей, которые работали без объяснений, — как, впрочем, и людей.

— Мисс Кольт. — Голос за спиной был ровный, с хрипотцой, в которой угадывалась привычка командовать, а не просить. — Каюта третьего класса проверена на предмет закладок. Если вы ищете, куда спрятать контрабанду, то под обшивкой — я как раз нашёл там чужую бутылку.

Ната не обернулась сразу. Она дала ему три секунды — ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы решить, заговорить ли снова, — и по тому, что он промолчал, поняла: терпеливый. Терпеливые опаснее нетерпеливых; нетерпеливый выдаёт себя, терпеливый — только когда захочет.

Потом она повернулась.

В проёме стоял офицер — высокий, плечистый, в тёмно-синем кителе с медными пуговицами, на каждой из которых отливали крошечные шестерёнки. Лицо обветренное, скуластое; карие глаза с ленивой насмешкой; на поясе — револьвер и, в кожаной петле, свисток боцмана. Он притворил за собой дверь, не щёлкнув замком, — и это движение было красноречивее слов.

— Вы всегда входите без стука? — спросила Ната, не отходя от стекла.

— Это мой корабль. — Он прислонился плечом к переборке. — А у вас, между прочим, билет без обратного рейса. Такие пассажиры меня интересуют. Они либо бегут, либо едут мстить. Кто вы?

— Детектив.

Она сказала это коротко и посмотрела ему прямо в глаза — так, как смотрят, когда проверяют, выдержит ли взгляд. Он выдержал. В углу его рта что-то дрогнуло — не улыбка ещё, только её тень.

— Экзамены, — протянул он. — Мир сходит с ума, а они всё ещё принимают экзамены. Я три года вожу туда курсантов. Знаете, что вывозил обратно чаще всего? Сломанных людей. Школа умеет ломать тех, кто не умеет гнуться.

Ната молчала. В тесной каюте — койка, рукомойник, иллюминатор, столик с лампой — его присутствие заполняло пространство так, как пар заполняет топку: без нажима, просто потому, что пару больше некуда деться. Она отметила про себя четыре вещи разом, потому

что иначе не умела: он не запер дверь; он сказал «мой корабль», а не «наш корабль»; у него золотой зуб, но сапоги чиненые; и он трижды за минуту посмотрел не на неё, а на её медальон.

— Хочу дать вам совет, мисс Кольт, — сказал он, и голос его стал ниже. — В этом котле учат не только находить убийц. Учат ещё кое-чему: понимать, кто друг, а кто враг. Иногда это труднее, чем читать следы.

— И вы, стало быть, друг? — Ната подняла на него глаза. Она была на голову ниже и стояла так, будто это обстоятельство её не касалось. — Офицер, который заходит в каюту одинокой девушки без стука, притворяет за собой дверь и начинает философствовать о друзьях и врагах. Надо же. Какая забота.

Он улыбнулся — медленно, одними уголками губ, — и от этой улыбки у неё в груди что-то сдвинулось с места, как сдвигается шестерня, которую долго не трогали.

— Я человек практичный, — сказал он. — Увидел вас утром на палубе, у борта, и понял: если не решу это сейчас, буду думать о вас все три ночи до Полиса. Мне тридцать два, я капитан грузового рейса, и у меня ровно час до смены вахты. Так что предлагаю не гадать, кто я, — друг или враг, — а проверить на практике. Что скажете?

Ната смотрела на него и думала о том, как странно устроен мир, в котором самые простые предложения звучат громче самых сложных. В её жизни было много мужчин, умевших говорить красиво; этот не говорил красиво вовсе. И ещё она думала о папке.

Папка лежала в его портфеле, на столике у двери: он сам сказал, что три года возит курсантов, — значит, там списки. Три года имён, пометок, печатей. Три года таких, как она. И если она сейчас будет достаточно хороша, чтобы он забыл о папке, — она успеет заглянуть в неё, пока он будет на вахте.

— Час, — сказала она наконец. — У вас час, а потом вы уйдёте на вахту, и мы больше не увидимся: корабль приходит в Полис на рассвете, а я уйду на экзамены.

— Верно, — кивнул он. — Так что час — это всё, что есть. Я и не предлагал больше. Один час — и каждый останется при своих секретах.

«Ровно то, что нужно, — подумала она. — Никаких последствий, никаких имён и, если повезёт, никаких сожалений». Сожалений в её жизни было столько, что она давно перестала их считать: считать — значит помнить, а помнить — значит таскать с собой.

Она шагнула к нему сама — не отступая, а наступая, — и упёрлась ладонями в сукно кителя, тёплое от него, а не от печки.

— Час, — согласилась она. — Но на моих условиях. Сначала — я. Потом — вы. И никаких обещаний, капитан.

Он перехватил её запястья и медленно сжал. Хватка была стальная, и у неё перехватило дыхание — не от боли, от неожиданности: она привыкла, что мужчины, которых она выбирала, боятся её чуть больше, чем она их.

— А если я сломаю условия?

— Сломаете — узнаете, чему учат на Пустошах. — Она вывернулась, легко, как выскальзывают из чужого захвата те, кого ловили сотни раз, и развернула его, толкнув спиной к переборке так, что он стукнулся лопатками о медь. — Не на тех напали, капитан. Я не беспомощная пассажирка. Я — та, кто выживает. А вы, — она провела ладонью по его лацкану и потянула вниз, — вы просто очень вовремя появившийся источник информации.

Он рассмеялся — низко, удивлённо, и это был лучший звук за весь рейс: в нём не было ни обиды, ни уязвлённого самолюбия, только настоящее, неподдельное веселье человека, которому впервые за долгое время сделали интересно.

— Тогда, мисс Кольт, — сказал он, — дайте мне ваш час. И я расскажу вам про «Красный Котёл» всё, что знаю. А знаю я, поверьте, много. Включая то, — он перешёл на шёпот, и шёпот у него был хуже крика, — что за последний год из школы не вывезли ни одного сломанного человека. Вывозили мешки. Под брезентом. Ночью, когда команда спит.

Ната замерла. Его слова легли в голову, как вставка в паз, — с тем тихим щелчком, после которого механизм уже не остановить.

— Мешки, — повторила она. — С чем?

— Не знаю. Но у них была очень характерная форма. — Он смотрел ей в глаза, и насмешка из его взгляда ушла, как уходит пар из остывающего котла. — Я отвёз туда за год сорок курсантов — и вывозил почти столько же. Потом стали вывозить двойное число. А потом я перестал задавать вопросы, потому что за них хорошо платят. — Он помолчал. — Вы, мисс Кольт, попали в очень милое место. Только это не тот «Котёл», в котором варят. Это «Котёл», в котором переплавляют.

Она отпустила его лацкан и отступила на полшага. В груди стучало — но не от страха. От того, что первый же кусок информации оказался таким, что запах его, как запах палёного, въелся в ноздри и остался там.

— Тогда, — сказала она, и голос её стал ровным и деловым, каким бывает у людей, взявших след, — вы просто обязаны рассказать мне всё. А я, капитан, — она склонила голову, — умею быть благодарной.

Он не стал ждать продолжения речей. Взял её лицо в ладони — мозолистые, пахнущие машинным маслом и табаком, — и поцеловал так, как целуют, когда решают взять своё быстро. Ната ответила, но на свой лад: перехватила его руки, повернула, прижала его ладони к переборке и поцеловала сама — медленно, с нажимом, изучая. Его щетина царапала ей подбородок; губы у него были сухие и горячие, и в них был вкус табака, соли и чего-то ещё, чему она не нашла названия и не захотела искать. Он выдохнул ей в рот что-то хриплое, отдающее смехом, и этот выдох она почувствовала не губами, а где-то под рёбрами — как толчок поршня.

— Я же сказала, — прошептала она ему в губы. — Сначала — я.

Она расстегнула его китель — пуговицы шли легко, одна за другой, медные шестерёнки на них тёплые от тела, — и потянула сукно с плеч. Под кителем была рубашка, под рубашкой — жар и запах: море, металл, пот долгой вахты. Ната положила ладонь ему на грудь и на секунду замерла, чувствуя под пальцами ровный, частый стук. Живое. Не механизм — но тоже машина, которую можно разобрать до винтика, если знать, где открывается крышка.

— Ты опасная, — сказал он, и голос у него уже сипел.

— Это ты ещё про Пустоши не слышал, — ответила она и толкнула его ладонью в грудь — не сильно, ровно настолько, чтобы он сел на койку.

Она опустилась перед ним на колени. Койка скрипнула; керосинка качнулась, и тени на меди поехали вбок. Ната положила ладони ему на бёдра, провела большими пальцами по шву брюк, чувствуя, как под тканью напрягается мышца, и расстегнула пряжку — не спеша, с той внимательной неторопливостью, с какой вскрывала чужие замки: сначала услышать, потом нажать. Он смотрел на неё сверху вниз, и она видела, как у него ходит кадык и как пальцы впились в край койки так, что дерево тихо скрипнуло.

— Господи, — выдохнул он сквозь зубы, когда она прижалась губами к внутренней стороне его бедра. Кожа там была горячая, тонкая, и под ней билось — часто, мелко, как бьётся стрелка на испуганных часах.

— Терпение, капитан, — сказала она, поднимая на него глаза. — Я сказала — час. Я всегда держу слово.

Она не спешила. Она вела губами вверх, дышала на кожу, отстранялась, снова возвращалась, и с каждым разом он вздрагивал всё заметнее — так, как вздрагивает механизм, в который вот-вот войдёт шестерня. Когда она наконец взяла его в рот, он охнул и запрокинул голову, и звук этот — низкий, сорванный, почти жалобный — был для неё слаще любого признания. Вкус был солёный, густой, живой; она чувствовала, как под её языком бьётся пульс, как он набухает и отвечает, и от этого у неё самой тянуло внизу живота, тепло и тяжело, и дыхание сбивалось.

Он запустил руку ей в волосы — не направляя, а держась, как держатся за поручень. Койка скрипела. Винт бил за переборкой. Ната вела его медленно, дразняще, замедляясь на самом краю и снова ускоряясь, и с каждым таким кругом он стонал всё глуше, а её собственное желание становилось всё отчётливее — не в голове, а в теле: в горячей тяжести между бёдер, в натянутой коже сосков, в том, как подгибались пальцы ног.

— Довольно, — выдавил он, и голос у него сорвался. — Иначе я не дотерплю до конца. А ты, я вижу, из тех, кто любит доводить дело до конца.

Она отстранилась, вытерла губы тыльной стороной ладони и улыбнулась — медленно, снизу вверх:

— Люблю. Особенно когда до конца доводят меня.

Он засмеялся — уже не так ровно, как прежде, — и это её позабавило: за час до смены вахты, под шум винта, между небом и туманом, она чувствовала себя впервые за недели по-настоящему свободной. Свободной от прошлого, от Пустошей, от голода и от той подозрительности, с которой она входила в каждую комнату. Здесь, в каюте третьего класса, не было ни следов, ни улик, ни будущего. Был только час, отмеренный, как песок в склянке, — и она тратила его так, как считала нужным.

Она поднялась с колен, не спеша, провела ладонями по его груди, вверх, к воротнику, и, взяв за галстук, потянула к себе.

— Раздевайся, — сказала она, усаживаясь на край койки и закидывая ногу на ногу. — Не торопясь. Я люблю смотреть.

Он стащил китель, бросил на стул; рубашку снял через голову — и Ната, не скрываясь, смотрела: на широкие плечи, на старый шрам над ребрами, белый, как след от пара, на татуировку якоря на предплечье, выцветшую до цвета чая, на тёмную дорожку волос, уходящую вниз. Он был из тех мужчин, которых тело выдаёт раньше слов: всё в нём было рабочим, крепким, без лишнего.

— Любишь командовать? — спросил он, улыбаясь уголком рта.

— Ещё как, — ответила Ната, глядя на него в упор. — Но если ты против — скажи, и я остановлюсь. Словами. Прямо сейчас. Потому что я, в отличие от некоторых, — она усмехнулась, — умею слышать «нет».

Он шагнул к ней, и в его глазах блеснуло что-то честное:

— Слышать «нет» умею и я. И я не говорю «нет». Я говорю — да. Хоть так, хоть эдак. Веди, если нравится. Но не думай, что здесь есть слабый.

— Вот и отлично. — Ната чуть наклонила голову, изучая его с ног до головы. — Когда нет слабых, игра интереснее. Сядь. — Она кивнула на койку. — На колени. И расскажи мне про мешки.

Он опустился на колени перед койкой, между её раздвинутых бёдер, и положил ладони ей на колени — тёплые, тяжёлые, шершавые. Ната взяла его лицо в ладони, провела большими пальцами по скулам, по губам, изучая, как изучают карту перед дорогой.

— Сначала расскажи, — сказала она, — а потом, может, я разрешу больше. Люблю, когда информация подаётся горячей.

Он прищурился, и в его глазах мелькнул деловой блеск:

— Пятьдесят один мешок за четыре года — это то, что зафиксировано у меня в грузовом манифесте. На деле, думаю, больше. Их выносят со служебного выхода, к причалу «Малый порт», между двумя и тремя ночи. Грузчики — свои, сдельные, им платили наличными и без вопросов. Я один раз, из любопытства, приподнял угол брезента. — Он понизил голос, и его дыхание коснулось её кожи. — Под брезентом лежали не мешки, мисс Кольт. Под брезентом, сложенные штабелями, как дрова, лежали гробы. Пустые гробы.

У Наты перехватило дыхание. Она сжала его лицо крепче, и он, верно истолковав, продолжил:

— Пустые, слышите? Они вывозили пустые гробы. Что было в них, когда везли сюда, — я не знаю. Может, стружки. Может, воздух. Но обратно — только пустые. И я понял: что бы ни привозили в этот Котёл в ящиках, наружу оно не выезжает. Вообще не выезжает.

— Пустые гробы… — Ната медленно выдохнула и, наклонившись, поцеловала его — коротко, с нажимом, как ставят печать на документ. — Спасибо, капитан. Это лучший груз, который я получила за весь рейс.

Он усмехнулся ей в губы:

— Тогда, может, ещё что-нибудь расскажу? За один поцелуй — груз, за два — маршрут, за три — имена докеров.

— Торгуешься, — одобрительно сказала Ната. — Уважаю. Но сначала — я скажу тебе кое-что. Бесплатно. Ты, может, и капитан, а ввозишь ты не курсантов. Ты ввозишь мясо. А мясо, капитан, когда его слишком много, начинает пованивать. И если в один прекрасный день эта школа решит, что ты знаешь слишком много, — ты станешь очередным пустым гробом. Так что, — она погладила его по щеке, — у нас с тобой один интерес: чтобы ты остался капитаном, а не стал экспонатом.

Он смотрел на неё, и в его взгляде, следом за удивлением, медленно проступало настоящее уважение.

— Откуда ты такая взялась на моём корабле, а?

— Из бункера, — просто ответила Ната. И, наклонившись, поцеловала его в впадинку у горла — туда, где кожа тонкая и где бьётся чаще всего.

Он подхватил её под бёдра и поднялся вместе с ней — легко, будто она ничего не весила, — и Ната обхватила его ногами, вцепилась в плечи, чувствуя спиной холод меди, а животом, бёдрами, всей кожей — его жар. Он прижал её к переборке, и она ощутила лопатками каждую её неровность, каждую заклёпку; по позвоночнику прошла дрожь, острая и приятная, и она засмеялась ему в шею.

— Ну? — шепнула она. — Чего ты ждёшь, капитан?

— Пока ты скажешь ещё раз, — ответил он, и голос его был хриплым, как пар, пробивающийся сквозь клапан.

— Скажу. — Она наклонилась к его уху, и её губы почти касались кожи. — Возьми меня. Сейчас.

Он вошёл в неё — медленно, до конца, — и у Наты перехватило дыхание: не от боли, от полноты, от того, как всё внутри разом отозвалось и сжалось. Она вцепилась ногтями ему в плечи, обхватила ногами крепче, притянула ближе, и он, ухватив её за ягодицы, задал ритм — сначала медленный, тягучий, потом всё более уверенный. Медь переборки холодила спину; его грудь, горячая и влажная, прижималась к её груди; винт бил за стеной, и в какой-то момент она перестала различать, где кончается его толчок и начинается удар винта, — всё слилось в один ритм, тяжёлый и ровный, как работа хорошо собранного механизма.

— Ты как будто боишься, — выдохнул он ей в шею, не сбиваясь, — что меня здесь не будет, когда ты обернёшься.

— Не боюсь, — ответила она, задыхаясь. — Знала, что будешь. Просто… — она всхлипнула от особенно глубокого движения и рассмеялась, — просто не думала, что так хорошо.

Койка жалобно скрипнула, потом заскрипела громче, в такт. Керосинка качнулась, и тени метнулись по стенам. Ната чувствовала, как внутри поднимается горячая волна — медленно, снизу, как пар в котле, — и с каждым движением она становилась всё выше, всё плотнее, пока не заполнила её всю, до кончиков пальцев, до корней волос. Она прикусила губу, потом его плечо — не больно, только чтобы удержаться на краю, — и он, почувствовав это, замедлился, растягивая.

— Не смей, — прошептала она. — Не останавливайся.

Он не остановился. Он опустил её на койку, накрыл сверху, и вошёл глубже, прижавшись бёдрами к её бёдрам, и Ната выгнулась дугой, вцепившись в смятое одеяло, — а он смотрел ей в глаза, мокрые, помутневшие, и не отводил взгляда, пока волна не поднялась до самого горла и не разбилась.

Её накрыло так, что на миг пропало всё: и винт, и медь, и запах табака — остался только жар, стягивающийся внутри тугим узлом и отпускающий разом, волной, от которой ноги свело, а из горла вырвался короткий, нечленораздельный звук. Он догнал её почти сразу — с глухим стоном, уткнувшись лбом ей в плечо, — и несколько мгновений они лежали, не двигаясь, тяжело дыша, и пот на их коже остывал медленно, как остывает металл.

В каюте стало тихо. Тишина была густой, как сироп, и в ней слышно было, как за переборкой ровно, безразлично к человеческим делам, бьёт винт.

Она лежала, глядя в закопчённый потолок, и чувствовала, как под её ладонью, на его спине, всё ещё ходит дыхание. Внутри было тепло и пусто, и эта пустота была не потерей, а передышкой — как пауза между двумя ударами часов.

Час. Один час. Потом — папка в портфеле. Потом — школа. Потом — дело.

— Час, — сказал он, глядя в закопчённый потолок. — Ты уложилась в двадцать минут. Остальное, надо полагать, потратишь на мою папку?

Ната села, натягивая рубашку, и посмотрела на него с уважением — настоящим, без игры:

— Вы, капитан, не так просты, как стараетесь казаться.

— Взаимно. — Он приподнялся на локте. — Папка в портфеле, блистером к вам. Там рейсовые листы за четыре года. Если сумеете прочитать между строк — узнаете, кого и сколько вывозили. А теперь, — он встал и потянулся за кителем, — у меня смена. Был рад, мисс Кольт. Надеюсь, до Полиса доживёте. Хотя, зная этот рейс, — он подмигнул, — советую смотреть в оба: не только на убийц, но и на тех, кто их ловит.

Он вышел, не оборачиваясь. Дверь щёлкнула.

Ната посидела ещё минуту, слушая винт, — а потом встала и подошла к портфелю. Замок был простой, из трёх колец; такие она открывала ещё на Пустошах, голыми руками, в темноте, ради куска лепёшки. Кольца поддались с третьей попытки. Внутри, как он и сказал, лежала папка.

Она разложила листы на койке и заставила себя читать медленно, как учил человек с паровой рукой: не искать ответ, а сначала выписать всё, что видно. Четыре года. Грузы. Имена. Печати. Чернила трёх оттенков — значит, папку дополняли в разные сроки и, скорее всего, разные люди. В графе «Принято» за прошлый год — сорок. В графе «Возврат» — семьдесят один. Она перечла. Потом ещё раз, водя пальцем по строчкам, как водят по схеме механизма, где не сходится передаточное число.

Семьдесят один «возврат» из школы, в которую поступило сорок человек.

— «Котёл, в котором переплавляют», — сказала она вслух, и собственный голос показался ей чужим.

Она закрыла папку, положила на место, щёлкнула замком. И только потом — уже стоя у иллюминатора, уже одетая, уже собранная, — позволила себе подумать о том, что означают эти числа. Одно объяснение было простым: ошибка писаря. Второе — сложным и потому вероятным: в школе есть кто-то, кто умеет превращать сорок человек в семьдесят одного, и этот кто-то не считает нужным скрывать арифметику — потому что уверен, что никто не станет её проверять.

Дирижабль начал снижаться. За стеклом из тумана проступил остров: башни, шпили, клубы пара, медные крыши, на которых утренний свет лежал как патина. Ната смотрела на приближающуюся школу так, как смотрят на силки, в которых собираются поставить капкан: спокойно, внимательно и с уважением к чужой работе.

В проходе появился встречающий — сутулый доктор в очках с множеством линз, с саквояжем, из которого торчали пинцеты и спутанные провода.

— Доктор Аврелий Буш, — представился он. — Врач и механик при школе. Вас я, судя по выражению лица, должен жалеть или бояться?

— Пока можете не определиться. — Ната усмехнулась. — К концу экзамена поймёте сами.

— Отлично. Тогда краткая справка: у нас есть свои сумасшедшие, свои мёртвые, свои тайны и свои правила. Правило первое: не доверяй никому, включая меня. Правило второе: здесь всегда идут часы. Правило третье: если увидишь часы, которые идут назад, — беги.

Ната подняла бровь:

— А третье правило — шутка?

— К сожалению, нет. — Аврелий поправил очки, и его голос впервые дрогнул. — Один раз я видел такие часы. С тех пор сплю с включённым светом. — И, словно чтобы сменить тему, он кивнул на остров: — Добро пожаловать в «Красный Котёл», мисс Кольт. Здесь варят детективов на пару.

Дирижабль ухнул, выбросил облако пара, и причал качнулся. Ната взяла свой потёртый саквояж и шагнула в струю холодного воздуха с привкусом масла и угля.

Школа встретила её запахом металла и дешёвого одеколона.

— Ната Кольт? — Женщина у входа была высокой, с седыми висками и пронзительными серыми глазами. — Мисс Айрис Плюм, директриса. Ваша рекомендация, скажем прямо, мутная: подписана человеком, который умер четыре года назад.

— Значит, он успел позаботиться обо мне заранее, — сказала Ната и пожала плечами. — Чего и вам желаю.

Мисс Плюм поджала губы, но в глазах у неё мелькнуло что-то похожее на одобрение — как медь в отражении лампы: на миг и не полностью.

— Курсант Кольт, с этой минуты вы — студентка «Красного Котла». Завтра в семнадцать ноль-ноль — вступительный экзамен. Инсценированное преступление: убийство на территории замка. От вас требуется найти преступника. Не найдёте — отчислены. Найдёте — станете одной из нас. Вопросы?

— Только один. — Ната посмотрела ей прямо в глаза. — Кто здесь играет со временем?

Мисс Плюм побледнела — не сильно, ровно настолько, чтобы Ната успела это заметить и запомнить. Но прежде чем она успела ответить, откуда-то из коридоров, сквозь шум пара и голосов, прорезался крик.

Крик был тонкий, женский, полный ужаса, — и раздался он из аудитории, где уже начали рассаживаться кандидаты.

Ната побежала первой. Она всегда бежала первой; это было единственное, чему её не учили, — и единственное, что она умела безошибочно.

Дверь распахнулась.

Внутри, среди перевёрнутых парт и тумана от лопнувшей паровой трубы, на полу лежала девушка в красном мундире. Курсантка Вера Кант — вчерашняя отличница, сегодняшняя жертва. На шее — багровые следы пальцев, четыре отчётливых вмятины и одна смазанная; глаза широко открыты, смотрят в потолок; а из приоткрытого рта торчал хвост старого латунного ключа, намотанный на часы.

Маленькие механические часы, окровавленные, зажатые в зубах. Стрелки стояли на двенадцати, но циферблат казался живым: тонкие колёсики вращались наоборот.

Ната присела на корточки. Её руки не дрожали; дрожал только медальон на шее — тихо, как второе сердце. Она наклонилась к часам и услышала едва различимый звук.

Тик… тик… тик…

Часы шли назад. 23:59… 23:58… 23:57…

— Аврелий, — сказала Ната спокойно, не поднимая глаз, — это были не настоящие экзамены.

— Я… я знаю, — сипло ответил доктор, стоявший в дверях. — Инсценировку отменили. Это настоящий труп.

— И часы, — добавила Ната, — которые идут назад. Ваше третье правило, доктор. — Она медленно выпрямилась, чувствуя, как адреналин вливается в кровь, и отметила про себя ещё три вещи: дверь аудитории была заперта изнутри, пара из лопнувшей трубы пахла не углём, а миндалём, и на подоконнике лежал след — маленький, аккуратный, как от детского пальца. — Похоже, я начала расследование раньше, чем поступила.

Позади раздались шаги — тяжёлые, уверенные, железные. Ната обернулась.

В дверном проёме стоял мужчина в длинном чёрном плаще. Его правая рука была не рукой: тускло блестели медные сегменты, шарниры, маленькие поршни, и в свете из проёма они казались рукой из жидкого огня. Тёмные волосы, серые глаза и взгляд, который, казалось, видел Нату насквозь — и не находил это неприличным.

— Люциус Вейн, — представился он. Голос низкий, спокойный. — Куратор особых расследований. — Он посмотрел на тело, на часы, и лицо его стало непроницаемым. — Прошу прощения, мисс Кольт. Похоже, ваш вступительный экзамен будет несколько… реальнее, чем планировалось.

Ната почувствовала, как по спине пробежал жар, не имевший отношения к паровой трубе. Она заставила себя улыбнуться — потому что улыбка была её единственным оружием, которое нельзя было отобрать при обыске.

— Реальнее — это по моей части, мистер Вейн. У меня с детства чутьё на настоящие трупы.

Люциус слегка склонил голову. Впервые в его серых глазах мелькнуло что-то, похожее на интерес, — и Ната, к собственному раздражению, отметила, что этот интерес ей приятен.

— Тогда, — сказал он, — начнём. У нас, если верить этим часам, — он кивнул на тело, — осталось меньше суток, чтобы понять, во что вы вляпались.

— В таком случае, мистер Вейн, — Ната сжала медальон и подняла на него глаза, — позвольте начать с вопроса, который мучает меня с причала. Почему директриса побледнела, когда я спросила, кто здесь играет со временем?

Люциус не ответил. Но его рука — медная, тёплая на вид — чуть заметно сжалась в кулак, и этот жест был красноречивее любого ответа.

— Потому что, — сказал он наконец, — этот вопрос здесь задают раз в году. И каждый раз после него кто-нибудь умирает.

Глава 1. Добро пожаловать в Красный Котёл

«В этом городе даже часы лгут. Но только я слышу, как они лгут.» — Ната Кольт.

Она проснулась оттого, что кто-то очень аккуратно, очень методично и совершенно безнадёжно шипел.

Шипение шло из-за стены, ровно каждые сорок секунд: сорок один, сорок два… — Ната поймала счёт на середине и, не открывая глаз, довела до конца. Тридцать восемь. Пауза. Клапан паровой трубы выпускал пар коротким, злым выдохом, как старик, которому надоело жить, но который всё ещё считает своим долгом портить воздух.

Она открыла глаза и уставилась в трещину на потолке — длинную, изогнутую, похожую на карту реки, которую никто никогда не нарисует. Потолок был очень высокий. Окно — очень низкое, под самым потолком которого, впрочем, и окна-то не было: узкая щель в стене, забранная решёткой, за которой уже серело утро.

«Красный Котёл», — сказала она себе. И, после паузы: — Мёртвая курсантка. Часы, идущие назад. Человек с паровой рукой.

Последняя мысль легла тяжелее прочих, и Ната, к своему раздражению, поняла, что думает не о руке, а о глазах. Серых. Спокойных. С каким-то очень неприятным для неё свойством: когда этот человек смотрел, ей хотелось выглядеть умнее, чем она есть, — а такое желание в её жизни не возникало ещё ни разу.

— Придётся держаться, — сказала она потолку.

Потолок не возражал.

Она села, и позвонки хрустнули — с тем сухим, отчётливым звуком, с каким ломается хорошо просушенное печенье. Медальон на шее лежал между ключицами, тёплый, тяжёлый; за ночь он словно бы набрал вес. Ната накрыла его ладонью. «Они позовут. Иди» — так было написано в записке, оставленной человеком с паровой рукой, тем, другим, первым, — тем, кто учил её три года и исчез, не попрощавшись.

Они позвали. Он не сказал, что будет дальше.

Комната была казённой до оскорбительности: железная койка, тумбочка, жестяной рукомойник, стул с вытертой обивкой и — на стене — пожелтевший плакат с разрезом часового механизма. Внизу плаката рукой, явно не печатной, было выведено: «ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ. НЕ ТРАТЬТЕ НА СЕБЯ». Кто-то — очень давно, судя по цвету чернил — приписал под этим, мелко и злобно: «А на кого тогда?»

Ната посмотрела на плакат и усмехнулась.

— Вот и я о том же, — сказала она.

Вода в рукомойнике была ледяной, с металлическим привкусом, и это было честно: в мире, где всё шипит, греется и врёт, ледяная вода — единственная, что не притворяется. Она умылась, растёрла лицо ладонями, натянула выданный мундир: красный китель, чёрные брюки, нагрудный знак в виде котла с клубами пара. Ткань была новой и потому жёсткой, сидела по фигуре так, как сидят вещи, сшитые по мерке, а не по человеку: подчёркивала всё, что можно было подчеркнуть, и ничего не скрывала.

В треснутом зеркале на неё смотрела блондинка двадцати трёх лет, с лицом человека, который слишком хорошо знает, сколько стоит кусок хлеба, и с фигурой, из-за которой её всю жизнь недооценивали ровно до того мгновения, пока она не начинала говорить. Бюст пятого размера был её проклятием и её инструментом — в зависимости от того, кто смотрел.

— Мисс Кольт, — сказала она отражению. — Та самая, что нашла труп вместо экзамена. Уже легенда. Осталось не стать экспонатом.

Она застегнула воротник, спрятала медальон под китель — и вышла.

Коридор, в котором пахнет медью

В коридоре пахло горячей медью, мастикой для пола и чужим одеколоном, слишком дорогим для казённого здания. У стены стоял высокий студент — светловолосый, с надменным лицом и ботинками, начищенными до такого блеска, что в них отражалась люстра. Он чистил ногти отвёрткой. Отвёрткой, а не пилочкой, — и Ната отметила это раньше, чем отметила его лицо.

— Так, значит, это ты, — сказал он без вопросительной интонации.

— Зависит от того, кто «это». — Ната остановилась в двух шагах, ровно на расстоянии, с которого можно и рассмотреть, и отступить. — Если ты про часы — да, я. Если про то, что я не сдохла от страха, — тоже я. Если про бюст — тут ничего не поделаешь, природа.

Студент на мгновение растерялся — и это было приятно. Потом усмехнулся, убирая отвёртку в нагрудный карман, и Ната успела заметить на рукояти маленькое клеймо: две скрещённые шестерёнки.

— Кайл Варрент. Второй курс. Дом Варрентов. — Он сказал это так, как другие говорят «доброе утро»: без нажима, потому что не сомневается, что его и так услышат. — Наверное, слышала.

— Наверное, — согласилась Ната. — Вы из тех, кого звук собственного имени приводит в восторг.

Кайл нахмурился. Он был красив той породистой, чуть смазанной красотой, которая портится от первого же вопроса о деньгах; и он это знал, и потому держался чуть прямее, чем нужно.

— Ты, я смотрю, не боишься, — сказал он.

— Боюсь. Но не вас.

Он не успел ответить: по коридору летела девушка — рыжая, в лётном комбинезоне, с очками на лбу и гаечным ключом, заткнутым за пояс, как кинжал.

— Ната Кольт! — заорала она на весь этаж, и где-то за стеной кто-то уронил что-то металлическое. — Ты та самая! Я слышала, ты нашла труп с часами в зубах! Детка, ты теперь звезда!

— А ты?

— Эльвира Нокс. Пока — курсантка. По выходным — пилот учебного дирижабля, если его, конечно, не разберут на запчасти за мою же стипендию. — Она широко улыбнулась, и улыбка у неё была как её голос: без полутонов. — Если кто-нибудь захочет тебя убить после того, как ты раскроешь это дело, — дёргай меня. Вывезу на Пустоши. Знакомство с кладбищем входит в цену.

Ната посмотрела на неё и впервые за утро почувствовала, что не одна. Такое случается редко и всегда некстати; она давно научилась не привязываться к людям, которые предлагают помощь, — потому что помощь в её жизни обычно шла в комплекте с долгом.

— Держись, Нокс, — сказала она. — Если выживу — напьёмся за мой счёт.

— Если выживешь, — поправила Эльвира, — я напьюсь за твой счёт. Это разные вещи.

Они пошли вниз — по витой чугунной лестнице, мимо портретов бывших директоров, заросших паутиной так густо, что лица на них читались только по рамам, мимо табличек, написанных от руки и явно после того, как кто-то очень устал от инструкций: «НЕ ЗАХОДИТЬ БЕЗ ПАРАШЮТА», «СТОП-КРАН НЕ ТРОГАТЬ — ВЫ ВЗОРВЁТЕ ГОРОД», «КУРИТЬ ТОЛЬКО В ПРОМЕЖУТКАХ МЕЖДУ СМЕРТЯМИ».

— Слушай, — Эльвира понизила голос, — раз уж ты теперь стажёр, тебе положено знать то, чего тут не положено знать. Школа — не приют для гениев. Это кузница. Нас почти не учат

тому, что написано в буклетах. Нас учат выживать там, где другие умирают, и молчать там, где другие трещат.

— Молчать я умею, — отозвалась Ната. — Проблема в том, что иногда язык чешется.

— Не чеши. Треснешь — станешь экспонатом. — Эльвира перепрыгнула через ступеньку, на которой не хватало набалдашника, и обернулась. — Первый курс год назад почти весь вывезли на Пустоши после провала одного задания. Говорят, не все доехали. А тем, кто доехал, — она повела рукой, — выдали новые имена и велели забыть, что они были.

Ната остановилась. В памяти встали цифры из папки: сорок принятых, семьдесят один «возврат». Чернила трёх оттенков. Смазанная подпись в графе «Кто принял».

— Нокс, — сказала она тихо, — а ты хочешь выжить?

— Очень, — бодро ответила Эльвира. — Поэтому дружу с летающими штуками. Если что — я первая подниму дирижабль и в последнюю минуту помашу тебе, чтобы ты успела запрыгнуть. А не успеешь — расскажешь потом в красках, как это было красиво.

— Обязательно, — сказала Ната и подумала: «Если будет кому рассказывать».

Собор машин

Главный зал был собором и машинным отделением одновременно, и в этом не было ни капли иронии: витражи изображали не святых, а знаменитых сыщиков — с лупой, с револьвером, с отрубленной рукой, прижимающей к груди папку; между витражами висели шестерни размером с телегу, медленно проворачиваясь в пахнущем маслом воздухе; а в центре бил фонтан — не воды, а пара, и из этого пара торчала музейная модель виселицы, у которой вместо верёвки висело ожерелье из карманных часов.

Ната остановилась и посмотрела на часы. Десятка полтора корпусов, разные эпохи, разные мастера — и все остановились на разном времени. Как будто кто-то собирал не украшение, а список.

— Здесь всегда так? — спросила она.

— Всегда, — сказала Эльвира. — Это подарок выпуска тысяча девятьсот… не помню. Считается, что это мило.

— Это отвратительно.

— Это Котёл, детка. Здесь всё либо отвратительно, либо красиво, и обычно одновременно.

У фонтана стоял Кайл — уже не один, с двумя курсантами в красных мундирах. При появлении Наты они замолчали с той слаженностью, которая выдаёт не воспитание, а привычку.

— А, стажёр, — сказал Кайл. — Идёте смотреть, как директриса раздаёт первые наряды?

— Идём. — Ната подошла ближе, чем требовали приличия, и посмотрела ему прямо в лицо. — А вы, наследник, уже получили свой? Какой будете носить первым — с золотой каймой или с серебряной?

— Оба, — невозмутимо ответил Кайл. — Один для парадов, другой для работы. Дед говорил: «Одевайся так, чтобы тебя нашли и в толпе, и в трущобах. В трущобах — по заплаткам, в толпе — по осанке».

— У вашего деда, судя по всему, было чувство юмора.

— Было, — коротко сказал Кайл, и на его лицо легла тень — быстрая, как облако на воду. — Он исчез, когда мне было десять. Как и многое в этой школе.

Ната отметила: «исчез» — не «умер». Но спрашивать не стала. Спрашивать нужно тогда, когда ответ можно проверить.

К ним подошёл Аврелий Буш — в выходной жилетке, с саквояжем, из которого торчали пинцеты и моток провода.

— Мисс Кольт. У меня к вам деловой разговор, но сначала — беглый инструктаж. Никогда не стойте под вентилятором в главном зале: он падает раз в семестр, и расписание не совпадает с расписанием занятий. Никогда не опирайтесь на маятник в прихожей: он снимает мерку и запоминает вес. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не пытайтесь открыть сейф в кабинете директрисы.

— Доктор, — Ната приподняла бровь, — вы только что выдали инструкцию для взломщика, а не для детектива.

— Для детектива это почти одно и то же, — сказал он. — Разница в том, что у детектива поверх отмычек надета чистая совесть, а у взломщика — грязная рубашка. Впрочем, в нашем деле и рубашки бывают одинаковые.

У фонтана появилась мисс Плюм. Зал стих не сразу — по частям, как остывающий механизм: сначала ближние, потом дальние, потом те, кто делал вид, что не замечает.

— Леди и джентльмены. Я знаю, о чём вы думаете. Вчера мы потеряли одну из наших — курсантку Веру Кант. Полиция Полиса, по понятным причинам, в дела школы не лезет. Поэтому расследование поручено лучшему из наших: куратору особых расследований Люцию Вейну. — Она выдержала паузу ровно такую, чтобы все успели перевести дыхание. — И его новому стажёру.

Ната почувствовала, как все взгляды разом легли ей на плечи, — и не опустила головы. Взгляды, как и людей, она умела читать по весу.

— Ната Кольт вступает в дело как стажёр с сегодняшнего дня. Доступ к материалам класса А — да. К классу Эс — нет. Вопросы?

— Один. — Ната шагнула вперёд. — Где тело?

— В анатомичке. — Мисс Плюм посмотрела на неё внимательно и, кажется, осталась довольна. — Доктор Буш проводит вскрытие. Можете спуститься.

Ната кивнула и пошла к двери. За спиной шёпот взметнулся, как вспугнутые голуби, — и в этом шёпоте она разобрала два слова отчётливее прочих: «класс Эс».

Цинковый стол

Анатомичка была в подвале, где пахло формалином, озоном и — слабо, поверх всего — миндалём. Ната остановилась на пороге и вдохнула ещё раз, чтобы убедиться. Миндаль. Тот же запах, что в аудитории, из лопнувшей паровой трубы.

Аврелий Буш стоял над телом в окровавленном фартуке, с лупами на глазах. Не оборачиваясь, он сказал:

— Не бойся. Она уже не боится, а я прикрываю глаза. Ты, судя по дыханию, тоже. Входи. Здесь холодно, зато не ходят часы.

— Часы, которые здесь ходят, беспокоят меня больше, — ответила Ната, подходя к столу.

Тело Веры Кант лежало на цинке. На шее — багровая борозда; глаза открыты и смотрят в потолок с тем выражением, с каким люди смотрят на что-то, что их удивило, но уже не касается. В зубах — часы. Те самые; доктор снял с них отпечатки и положил на отдельную тарелку под стеклянный колпак. Маленькая секундная стрелка ползла против часовой, и от этого зрелища у Наты заныло под ложечкой — так, как ноет зуб, когда рядом скребут металлом.

— Что за механизм? — спросила она.

Аврелий снял лупы и посмотрел на неё устало, как смотрят люди, которые давно перестали удивляться и очень хотят, чтобы удивлялись за них.

— «Часы Пожирателя». По легенде, тому, кому их вкладывают в рот, забирают всё время, которое он мог прожить. Технически — двадцать три шестерни, пружина из видония (живой металл, помнит форму) и один узел, которого я не видел никогда. — Он помолчал. — Это не просто часы, Ната. Это послание.

— Кому?

— Думаю, школе. Потому что такие часы здесь уже появлялись. Много лет назад. — Он отвернулся к полке с инструментами. — И тогда тоже началось с одной девушки.

Ната не стала спрашивать, что было дальше. По тому, как доктор держал спину, было видно: он расскажет — но не сейчас и не в подвале.

— Можно ближе? — попросила она.

Аврелий снял колпак. Ната наклонилась так низко, что почти касалась стекла носом, и стала смотреть не на стрелку, а на всё сразу — как смотрят на механизм, который не хочет работать: целиком, не отводя глаз, пока взгляд не начнёт различать зазоры.

Двадцать три шестерни. Она пересчитала. Двадцать три. После каждого полного оборота секундной стрелки в корпусе что-то щёлкало — тихо, но отчётливо, как щёлкает язычок замка, когда ключ уже повернули.

Потом она увидела то, чего не увидел доктор: на обратной стороне корпуса, у самого края, была крышка — крошечная, в полногтя, — и из-под неё торчала капля воска. Не металл. Воск. Кто-то запечатал тайник свечой, а потом снял печать — и не до конца.

— Доктор, — сказала она ровно. — Здесь есть тайник.

Аврелий подскочил с быстротой, которой в нём не предполагалось. Две минуты, пинцет, тихая ругань — и на ладони у него лежал крошечный квадрат плёнки, микрофильм.

— Это невозможно, — прошептал он. — Последний раз такое я видел… — он замолчал, и Ната поняла, что «последний раз» был не в этом городе. — В общем, нужен проектор.

— У кого?

— У Вейна. У него единственный рабочий.

Они поднялись наверх, и всю дорогу Ната считала. Секундная стрелка ползла назад; каждый оборот — минута; она прикинула скорость, потом расстояние до полуночи, потом ещё раз проверила себя, потому что ошибиться здесь было бы непростительно.

— Аврелий. Сколько осталось?

Доктор глянул на часы, пошевелил губами и побледнел — не театрально, а по-настоящему, так, что веснушки на носу стали заметнее.

— Если считать до полуночи — чуть меньше двадцати трёх часов.

Ната улыбнулась. Слишком спокойно, с её точки зрения, — но по-другому она не умела.

— Значит, у нас сутки. Начинаем, доктор. Добро пожаловать в «Красный Котёл».

Кузница вместо руки

Кабинет Люциуса Вейна был на верхнем ярусе западной башни. Внутри пахло маслом, озоном и можжевеловой настойкой — горько, пряно, так, что перехватывало горло. Стены занимали стеллажи с чертежами; в центре стоял стол, заваленный шестернями и разобранными механизмами; вместо одного из окон висела огромная голографическая карта Полиса, мерцавшая голубым, — и по этой карте бежали тонкие светящиеся линии, похожие на нити в ткани.

Люциус стоял у стола, спиной к двери. Он не обернулся — и Ната поняла: услышал, как она вошла. Услышал и решил не оборачиваться.

— Проектор, — сказала она. — У вас есть проектор.

— Есть. — Он повернулся, и медная рука — сегменты, шарниры, крошечные поршни — легла на край стола. На тыльной стороне ладони была выгравирована шестерёнка с крыльями. — Но прежде чем я его включу, мисс Кольт, я хочу задать вам один вопрос. Кто, кроме вас и доктора, знал, что микрофильм в часах?

— Никто. — Ната подошла ближе. — Мы нашли его при вас.

— Вот именно, — сказал он тихо. — И это значит, что кто-то очень хочет, чтобы мы его нашли. И очень рассчитывает, что мы придём сюда.

Ната остановилась в шаге от стола. Между ними было не больше метра — расстояние, на котором человек либо отступает, либо перестаёт врать.

— Красивая, — сказала она, кивнув на его руку. — Шестерёнка с крыльями. Символ?

— Память о старом наставнике, — ответил Люциус. — Мы все здесь носим своих мертвецов, мисс Кольт. Только кто-то носит их в сердце, а кто-то вживляет в титан.

— Я выросла у мастеров, — сказала она. — И знаю: металл помнит прикосновения лучше, чем плоть.

Он посмотрел на неё — долго, без улыбки, — и в его серых глазах мелькнуло то самое, что она заметила вчера: интерес, от которого ей хотелось быть умнее, чем она есть.

— Вы играете с огнём, — сказал он.

— Умею, — ответила она. — Обращаться с огнём.

Он не отстранился. Медная рука поднялась — медленно, не угрожающе — и прохладные сегменты легли ей под подбородок, приподнимая лицо. Импульс вибрации прошёл по металлу, отдался в челюсти, в шее, ниже — и Ната, к своему стыду, почувствовала, как соски натянулись под жёсткой тканью мундира.

— Мисс Кольт, — сказал он, почти шёпотом, — я знаю, что вы делаете. Я слишком хорошо знаю этот приём.

— Какой приём? — Она подняла на него глаза, стараясь, чтобы лицо осталось невинным, и чувствуя, что не получается. — Я просто изучаю улики, мистер Вейн. Это часть ремесла: подойти близко. Так близко, чтобы человек забыл про свои механизмы и начал думать про… кое-что другое.

Металл скользнул по её щеке к виску, спустился к шее, к воротнику — и остановился, не пересекая границы. Ната прикрыла глаза. Пар в комнате стал горячее, воздух — гуще, и в этом воздухе отчётливо, как никогда, пахло можжевельником.

— Мистер Вейн, — выдохнула она. — Вы собирались показать мне микрофильм.

— Собирался, — ответил он и отпустил её. Металл тихо щёлкнул. — Но сначала, кажется, мне стоит уточнить, кто из нас ведёт расследование.

— А вам не всё равно? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Мне не всё равно.

Он шагнул к проектору — и в этот момент Ната поняла, что не хочет, чтобы он отходил. Это было глупо, не вовремя и совершенно не относилось к делу; но в её жизни всё, что не относилось к делу, оказывалось самым важным.

— Мистер Вейн.

Он обернулся.

— Я не про микрофильм, — сказала она. — И вы это знаете.

В комнате стало очень тихо — так тихо, что слышно было, как за стеной, в башне, ровно и глубоко дышит механизм.

Люциус подошёл. На этот раз он не поднимал металл — он взял её лицо человеческой рукой, тёплой и шершавой, и посмотрел так, что у неё перехватило дыхание.

— Ты уверена? — спросил он — и «ты» вышло у него само, как прорыв плотины.

— Я никогда не говорила, что «да» легко, — ответила она. — Но я говорю «да» не потому, что ты просишь. А потому, что я хочу.

— Тогда скажи ещё раз. Вслух. Я хочу слышать, а не угадывать.

— Да, — сказала она, глядя ему в глаза. — Я хочу тебя.

Он поцеловал её — не касанием кончиков, как вчера в дверях, а глубоко, требовательно, так, что у неё подкосились колени и пришлось взяться за его плечи. Пахло от него можжевельником, табаком и металлом, и этот запах опьянял сильнее любой дряни, которую она пробовала на Пустошах.

Он подхватил её и усадил на край стола — прямо на разложенные чертежи, которые тихо захрустели под ней. Ната обхватила его ногами, притянула ближе, и почувствовала сквозь ткань, как он твёрд, как тяжело и часто дышит. Её собственное тело отвечало раньше, чем она успевала подумать: жар между бёдер, натянутая до боли кожа, дрожь в коленях.

Он расстегнул её китель — пуговицы пошли одна за другой, без спешки, — и сдвинул рубашку с плеч. Прохладный воздух лёг на грудь; а потом его губы накрыли сосок, и Ната выгнулась, вцепившись пальцами в его волосы. Он делал это медленно, тягуче, с влажным звуком, от которого у неё поджались пальцы ног; вторая рука — человеческая — легла на другое полушарие, сжала, отпустила, снова сжала, и от этой простой, грубой нежности у неё внутри всё поднималось и наливалось.

Металл коснулся её бедра. Холодный — резко, до мурашек, — и Ната дёрнулась, но не отстранилась. Сегменты поползли вверх по внутренней стороне бедра, и вибрация шла впереди них, тонкая, как касание струны; она почувствовала её кожей, потом глубже, и у неё вырвался короткий вздох.

— Не бойся, — сказал он ей в шею.

— Я не боюсь, — ответила она, и это была правда. — Я боюсь только одного: что ты остановишься.

Он рассмеялся — низко, удивлённо — и прижался лбом к её лбу.

— Ты опасное оружие, мисс Кольт. И я, пожалуй, впервые за десять лет делаю глупость, от которой меня никто не отговорит.

Она стянула с него рубашку — нетерпеливо, как стягивают упаковку с инструмента, — и провела ладонями по груди, по животу, чувствуя под пальцами шрамы и тепло. Металлическая рука легла ей на поясницу, и вибрация прошла по позвоночнику, отдалась в затылке, и Ната застонала ему в губы.

Он вошёл в неё медленно, до конца, и замер, давая привыкнуть. Она обвила его ногами, притянула ближе, и он начал двигаться — глубоко, ровно, с той пугающей точностью, с какой его руки, вероятно, держали инструмент. Каждое движение было выверенным, и от этой выверенности сходило с ума сильнее, чем от любой грубости: он словно знал её тело на два шага вперёд.

Металл остался на её бедре — и вдруг ожил. Вибрация усилилась, поднялась выше, легла между ними, и Ната вскрикнула, вцепившись ногтями ему в спину, потому что это было слишком — слишком точно, слишком глубоко, слишком хорошо.

— Не молчи, — сказал он, хрипло. — Я хочу слышать, как ты сходишь с ума.

— Тогда иди так, чтобы я сошла.

Он подчинился. Ритм стал жёстче, и металлическая ладонь, скользнув ниже, нашла то место, где всё уже было натянуто до предела, — и вибрация прошла по нему горячей волной. Ната выгнулась, уронила голову ему на плечо и почувствовала, как внутри поднимается тугая, дрожащая волна, как она растёт, как подступает к горлу.

— Смотри на меня, — сказал он. — Я хочу видеть.

Она подняла голову — и это стало последней каплей. Волна разбилась, острая, слепящая, — и она кончила с криком, который он заглушил поцелуем, содрогаясь всем телом, сжимаясь вокруг него. Он догнал её почти сразу, с глухим стоном, прижавшись к ней вплотную, и несколько мгновений они сидели так, сплетённые, на столе среди смятых чертежей, тяжело дыша.

Паровая рука, успокаиваясь, гладила её бедро — медленно, почти нежно.

Люциус прижался губами к её виску.

— Теперь, — сказал он, — когда мы разобрались, кто из нас ведёт, — он улыбнулся в полутьме, — позвольте показать вам настоящий микрофильм. Тот, что нашли в часах. Он в моём сейфе, а не в проекторе, который я вам продемонстрировал для отвода глаз.

Ната села, поправила рубашку и усмехнулась, хотя сердце ещё колотилось:

— Вы, мистер Вейн, умеете вести дела. Сначала выпотрошить душу, потом — сейф.

— Это одно и то же ремесло, — сказал он.

Ключ

Сейф был в углу, за стеллажом. Люциус набрал код — четыре щелчка, — вынул кассету, вставил в проектор, и на стене, поверх чертежей, побежало изображение: сначала рябь, потом коридор, потом комната, залитая паровым туманом. У стены на цепи висели часы с чёрным циферблатом. Под ними стоял человек в чёрном пальто — сухой, старый, с лицом, похожим на сжатую в кулак ладонь, — и говорил прямо в объектив:

— Если вы это смотрите, значит, ключ дошёл. Слушайте внимательно. В полночь, когда стрелки сомкнутся, школа уйдёт в перезапуск. Не я это придумал, но я это вижу. Единственный способ остановить — найти мою настройку. Она спрятана там же, где я спрятал ключ. Найдёте ключ — найдёте настройку. Не найдёте — станет поздно.

Изображение погасло. В комнате стало очень тихо, и в этой тишине Ната услышала, как за стеной, в башне, механизм отсчитал очередную минуту — глухо, как удар в закрытую дверь.

— «Настройка», — медленно повторила она. — Он дважды говорит об этом. Нужен ключ, чтобы найти настройку. — Она коснулась медальона под кителем. — И у меня такое чувство, мистер Вейн, что ключ — это я. Или то, что я ношу на шее. И что все эти восемнадцать лет меня вели сюда.

— Тогда, — сказал Люциус, — полагаю, у нас меньше суток, чтобы понять, что именно вы носите. И начнём с вопроса, который вы, судя по лицу, уже задали себе: почему директриса побледнела, когда вы спросили, кто здесь играет со временем?

Ната посмотрела на него и поняла, что он не спрашивает — он проверяет, дошла ли она сама.

— Потому что она знает ответ, — сказала Ната. — И потому что боится не того, кто играет. А того, что игра уже началась без неё.

— Хорошо, — сказал Люциус. — А теперь — вторая половина. В часах двадцать три шестерни. Ты их пересчитала, я видел. Сколько должно быть в исправном механизме такого типа?

Ната замерла. Она думала об этом всю дорогу сюда и гнала мысль, потому что не любила выводов, которые нельзя проверить.

— Двадцать четыре, — сказала она. — В корпусе есть гнездо под двадцать четвёртую. Оно пустое. И на краю гнезда — след от пинцета.

— Вот именно, — сказал Люциус. — Значит, кто-то вынул шестерню. И этот кто-то имел доступ к телу прежде, чем его увидел доктор.

— Или к часам прежде, чем их вложили в тело, — сказала Ната. — Что одно и то же, если часов было двое.

Люциус посмотрел на неё долгим взглядом — и в этом взгляде было то, что она потом будет искать в людях всю жизнь и находить редко: не восхищение, а узнавание.

— Мисс Кольт, — сказал он, — вы только что сформулировали версию, которая мне не нравится. Потому что она означает, что убийца — не гость в этой школе. Он здесь живёт.

Ната взяла со стола свою куртку.

— Это долгая история, мистер Вейн. И она начинается на Пустошах, в бункере, где пахло мокрой землёй и страхом. — Она надела куртку поверх мундира, привычным движением спрятав медальон. — Но у нас как раз есть целая ночь. Пошли. Я расскажу вам её по дороге в анатомичку — заодно посмотрим, не научились ли эти часы говорить во сне.

— А если научились? — спросил Люциус, поднимаясь.

— Тогда, — сказала Ната, — они расскажут нам то, чего не расскажет никто живой.

Глава 2. Часы идут назад

«Время — лучший актёр в мире, — говорил мой наставник. — Оно играет всегда, а правду ты узнаёшь только в финале.» — Ната Кольт.

Утром её разбудил не клапан, а стук в дверь: короткий, настойчивый, трижды, — так стучат люди, которые привыкли, что им открывают.

— Открыто, — сказала Ната, садясь и натягивая одеяло до подбородка.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Кайл Варрент — отутюженный, начищенный, с той лёгкой ухмылкой, которая у него, кажется, заменяла утреннее приветствие.

— Вейн собрал комиссию в главном зале. Для стажёра это значит — быть там до того, как пробьют восемь. — Он оглядел её растрёпанную голову и добавил: — А вы, мисс Кольт, выглядите так, будто вчера разбирали двигатель не только дирижабля.

— А вы, мистер Варрент, выглядите так, будто уже успели его почистить. — Ната соскользнула с койки, натянула халат поверх сорочки и посмотрела на него в упор. — Вы нарочно стоите здесь, чтобы полюбоваться?

— Да. — Он ответил без тени смущения. — Наследников дома Варрентов учат настойчивости.

— А ещё, судя по всему, наглости.

Она подошла к рукомойнику, плеснула в лицо ледяной водой и, вытираясь, бросила через плечо:

— Что за комиссия?

— После вчерашнего назначили ответственных по этажам. Меня — по котельной и нижним ярусам. — Он прислонился к косяку. — Наверное, из-за деда: он знал подземную часть школы как свои пять пальцев. Впрочем, меня это не касается. Я здесь два года и уже понял: каждый этаж — отдельная тайна.

— Тайн тут больше, чем пара в котлах, — согласилась Ната. — Ждите меня у входа в котельную через десять минут. Если кто-нибудь меня отвлечёт — начинайте без меня.

— Начинать в котельной без вас? — Кайл приподнял бровь. — Это будет самое скучное начало дня. Обещаю приложить усилия, чтобы отвлечения не было.

Он ушёл. Ната оделась быстро: рубашка, мундир, ремень с подсумком, в котором лежали отмычки и маленький баллончик с паром под давлением. Поверх всего — привычка: проверить медальон. Он лежал на месте, тёплый.

— Ладно, Кольт, — сказала она себе. — Вчера ты нашла мёртвую девочку и влюбила в себя куратора. Сегодня постарайся просто не умереть. План скромный.

В зеркале над рукомойником мелькнуло её отражение — блондинка с усталыми глазами, — и на секунду ей показалось, что отражение задержалось на полвздоха дольше, чем следовало. Она не стала задерживаться на этой мысли. В Котле с зеркалами лучше не спорить.

Восемь ударов

К восьми главный зал был полон. Мисс Плюм стояла у фонтана; рядом — Люциус, без плаща, в чёрной рубашке с закатанными рукавами, и медная рука на виду, в утреннем свете похожая на дорогую, но дурно воспитанную вещь. Он поймал взгляд Наты и, кажется, чуть заметно улыбнулся. У неё ёкнуло под рёбрами.

— Второе сообщение, — сказала Плюм, и голос её, обычно стальной, дал трещину. — Вера Кант была не единственной жертвой. Сегодня ночью в котельной нашли курсанта Виктора Сталкера. Тот же почерк: часы в зубах, стрелки назад.

Зал выдохнул — разом, как один человек. Ната смотрела не на директрису, а на лица: кто-то побледнел, кто-то отвернулся, двое переглянулись. Переглядываются те, у кого есть общая тайна, — и не обязательно та, о которой говорят вслух.

— Школа переведена на осадное положение. Никто не покидает территорию до конца расследования. — Плюм помолчала ровно столько, чтобы это успело испугать. — Занятия отменяются. Курсанты остаются в своих корпусах. Комиссия работает по этажам.

— Часы, — прошептала Ната, подойдя к Аврелию, который стоял у колонны и крутил в пальцах пенсне. — Идут назад?

— Идут, — подтвердил он. — И отсчёт теперь другой: двадцать три ноль-ноль. К полуночи стрелки дойдут до нуля. — Он помолчал. — Если верить тому, что показывает механизм. А верить механизму, который идёт назад, — это, знаешь ли, особое удовольствие.

— Что будет в полночь?

— Надеюсь, ничего. — Аврелий понизил голос. — Но микрофильм из первых часов показывает лицо старого наставника. Вейн ищет его десять лет. Говорит, если найти — можно остановить всё до того, как стрелки сомкнутся.

Он помолчал, разглядывая её с той внимательностью, от которой у неё всегда чесались уши.

— Ната. Ты вчера была в кабинете Вейна допоздна?

Она покраснела — против воли, и это было хуже любого ответа.

— Мы смотрели микрофильм. До конца. Он показал мне лицо Гримма.

— Микрофильм, значит. — Аврелий надел пенсне, снял, снова надел. — Ну-ну. Только помни, Кольт: у кураторов этой школы много недостатков, но главный — они слишком хорошо умеют задавать вопросы, на которые тебе захочется ответить не так, как надо. Береги себя.

— Доктор, я шла через Пустоши. Там у меня был преподаватель, который задавал вопросы голыми кулаками. Куратор с паровой рукой — это цветочки.

— Тогда вперёд. — Он похлопал её по плечу. — И запомни: если найдёшь в котельной что-то важное — сначала покажи мне, а потом директрисе. У меня нюх на видоний, а у неё — на порядок в отчётах.

Ната кивнула и двинулась к выходу вдоль стены. Кайл, как оказалось, крался за ней.

— Куда это вы, мисс Кольт?

— Осмотреть тело Виктора. Пока нас не остановили.

— Мы вторгаемся туда, куда стажёрам вход запрещён. Вы знаете, куда идёте?

— В котельную. Где жарко, грязно и много пара. — Она улыбнулась. — Мне такие места по душе.

У котлов

Котельная была пещерой под школой: чугунные котлы вдоль стен, трубы, гул поршней, взвесь угольной пыли в горячем воздухе. Под низким сводом что-то шипело и клацало — как будто в глубине механизмов жило отдельное существо, которое не любило гостей.

Тело уже убрали. Очертания мелом остались — распластанное, руки в стороны, — и рядом стояла жестяная банка с надписью, сделанной от руки: «ВЕЩДОКИ — НЕ ТРОГАТЬ».

Ната присела у контура. Мел. Трубы. Воздух.

— Странно, — сказала она негромко.

— Что именно? — Кайл подошёл сбоку, держа фонарь.

— Здесь должен пахнуть кровь. А пахнет только маслом и паром. — Она повернула голову, втянула воздух ещё раз, как собака, которую учили искать не мясо, а ложь. — Кровь пахнет железом и солью. Она въедается в металл. Даже если вымыть — остаётся. А здесь — чисто.

— Значит, вымыли хорошо.

— Значит, вымыли хорошо и знали, чем. — Ната поднялась и прошла вдоль стены, глядя под ноги. — Пятно у третьего котла. Видите? Пол протёрт — узко, вокруг того места, где лежал. И тряпка — вон она, на крюке. Её вернули на место.

Кайл присвистнул:

— Убийца знал, где висит тряпка.

— Убийца знал, где висит тряпка, — повторила Ната. — В котельной тридцать два крюка. Он снял тряпку с нужного и повесил обратно. Не бросил. Не сунул в котёл. Повесил.

— Привычка.

— Привычка, — согласилась она. — Так делает человек, для которого это не первый раз и не десятое. Или человек, для которого это — работа.

Она обошла контур. Мел был свежий, ровный, нанесён рукой, которая умеет держать инструмент. Кайл поднял фонарь выше, и в его свете Ната увидела то, что искала: у самой границы мела, там, где были ноги, сажа на полу лежала неровно — двумя широкими полосами, будто что-то тянули.

— Его принесли, — сказала она. — Не пришёл сам. Принесли и положили. Смотрите: подошвы у него были бы в саже, если бы он шёл. А сажа — вот здесь, сбоку, двумя полосами. Это следы от каблуков, когда тело волокли.

— Или от того, чем волокли.

— Или от того, — согласилась Ната. — И ещё одно. Пар в котельной горячий. Труп, который пролежал здесь ночь, должен был прогреться, как камень у котла. А след от мела — ровный, без потёков. — Она помолчала. — Его принесли незадолго до того, как нашли.

Кайл смотрел на неё с тем выражением, которое она уже начала узнавать: удивление, смешанное с удовольствием.

— Вы это всё... как?

— Я девятнадцать лет жила там, где если не заметишь деталь — умрёшь, — ответила она. — Детали — это не украшение, Варрент. Это валюта. — Она поднялась. — Ладно. Где тут второй выход?

— Почему вы решили, что он есть?

— Потому что убийца не пошёл через главную дверь: на ней колокольчик, а его слышали бы. — Она обвела взглядом стены. — И потому что человек, который знает, где висит тряпка, знает и где щиток.

Они прошли вдоль стены. Кайл достал фонарь с поворотной линзой — хороший фонарь, дорогой, с кожаным ремешком, — и в его свете на чугунной плите, прикрытой сажей, проступил след: длинная, смазанная борозда, будто по полу толкали тяжёлый ящик. След вёл от мела к щитку управления у третьего котла.

— Тело нашли здесь, след ведёт туда, — сказала Ната. — Значит, либо его притащили оттуда, либо через щиток ушли. Проверим?

Щиток был пыльным, с ржавыми защёлками. Но когда Ната дёрнула ручку, крышка поддалась слишком легко — и на пальцах осталось масло.

— Свежее, — сказала она, растирая его подушечкой большого пальца. — Его смазывали. Кто-то открывает этот щиток часто.

За щитком, вместо приборов, зиял тёмный провал: ступени уходили вниз, в темноту, пахнущую землёй и старым маслом.

— Есть, — выдохнула она. — Вот и второй выход.

— Вы в курсе, что мы нарушили уже шесть правил за утро? — осведомился Кайл, расстёгивая мундир. — Даже не спросим разрешения?

— Никогда не спрашивай разрешения у тех, у кого нет ответов, — ответила Ната, спускаясь первой. — У них есть только печати. А печати, Варрент, открываются ногтем.

Мастерская

Лестница оказалась короткой. Внизу уходил узкий коридор, выложенный кирпичом; по потолку тянулись трубы, и воздух был тяжёлым, но не спёртым — значит, тянуло свежим.

Ната шла впереди, прислушиваясь. За поворотом ровно гудела вентиляция. Она дошла до развилки: налево — темно, направо — тусклый свет и очертания стола.

— Туда.

Ниша оказалась мастерской. Верстак, заваленный инструментами: молотки, напильники, тиски, мотки медной проволоки. На верстаке, аккуратно разложенные по размеру, лежали детали часового механизма — шестерни, колёсики, пружины, хрупкие мосты.

— Мастерская, — сказал Кайл, оглядываясь. — Кто-то разбирает здесь часы. Много и часто.

— Или собирает. — Ната взяла с верстака шестерню. Она была странно лёгкой и чуть зеленоватой в свете фонаря. — Видоний. Не спутаешь. — Она повернула её к свету, и на зубцах проступили тонкие следы, будто краска въелась в металл. — Это не запчасти, Варрент. Это заготовки. Для часов Пожирателя.

Он подошёл, взял шестерню, повертел.

— А ведь такая же лежала в банке у котла, — сказал он медленно. — Те же следы. Значит, мастерская — под школой. И он ходит сюда, как домой.

— Ходит. И оставляет здесь свою настройку.

Она сдвинула стопку чертежей. Под ними, прижатая тяжёлым напильником, лежала тонкая тетрадь в клеёнчатой обложке. Ната открыла её.

Столбцы цифр. Даты. Пометки на полях, сделанные уверенно и быстро. И на последней странице — размашистым почерком:

«У каждой жертвы я забирал не жизнь. Я забирал время, которое она могла бы потратить. К часу ночи я соберу последний механизм. Когда часы пробьют полночь, школа начнёт свой последний экзамен. Ключ у той, кто его носит. Вопрос только в том, успеет ли она сообразить, куда он вставляется.»

Ната перечитала — и почувствовала, как по спине прошёл холод, аккуратный, как лезвие. «Ключ у той, кто его носит». Она машинально коснулась медальона.

— Он знает про меня, — сказала она. — Прямо пишет.

— Или про медальон. — Кайл покачал головой. — Который, если помнишь, ты показывала Вейну. Откуда убийца знает, что он у тебя?

— Вопрос не в том, откуда он знает. — Ната прищурилась. — Вопрос в том, откуда он знает, что медальон — ключ. Об этом знали трое: я, Вейн и Аврелий. И ещё тот, кто написал записку.

Она замолчала, глядя на страницу. Потом достала из кармана сложенный листок — тот самый плакат она вчера не унесла, но почерк успела запомнить: мелкий, злой, с нажимом. Приписка на плакате в её комнате: «А на кого тогда?»

Буква «а» здесь и буква «а» там были одинаковые — с длинным хвостом. И нажим был одинаковый: страница тетради продавливалась, чернила отдавали тенью на обратной стороне.

— Кайл, — сказала она очень спокойно. — Кто-нибудь трогал плакат на стене в моей комнате?

Он растерялся:

— В вашей комнате? Не знаю. А что?

— То, что приписка на нём сделана тем же почерком, что эта тетрадь. — Ната показала ему страницу, потом листок. — Смотрите, «а» с хвостом. Нажим. Тот же человек писал в моей комнате.

В мастерской стало слышно, как где-то в кирпичной кладке тикают часы. Негромко, ровно — и неправильно: так, будто отсчитывают не вперёд, а назад.

— Значит, он был у вас в комнате, — медленно сказал Кайл. — И написал это до того, как вы приехали. Или после — пока вы были у Вейна.

— Вот именно. — Ната спрятала тетрадь во внутренний карман. — Человек, который оставляет записки в комнате стажёра и складывает заготовки под котлами, не прячется. Он приглашает.

— К чему?

— К тому, чтобы мы пришли сюда и нашли то, что он хочет показать.

Она подняла голову и посмотрела в темноту за верстаком, где угадывалась ещё одна дверь — низкая, с чугунным кольцом.

— А вот это, — сказала она, — он точно хочет показать.

Тик-так

Кольцо поддалось тяжело, с ржавым скрипом. За дверью открылся колодец с лестницей; снизу тянуло холодом — странным, неуместным в подвале под котельной.

— Холодно, — сказал Кайл, спускаясь следом. — Здесь же котлы над головой.

— Значит, между нами и котлами — изоляция. Или вентиляция. Или кто-то очень не хочет, чтобы этот подвал нагревался.

Они спустились в обширный подвал, освещённый редкими лампами на голых проводах. Вдоль стен — стеллажи с инструментами и запакованными коробками. В центре, на каменном постаменте, стояли огромные напольные часы — старинные, с разломанным циферблатом. Стрелки застыли на пяти минутах первого.

Под часами, на поддоне, аккуратными стопками лежали тряпки, пропитанные маслом. Рядом — перчатки и лупа.

— Здесь он работает, — сказал Кайл. — Это не мастерская. Это святилище.

— Смотрите на стеллажах, — Ната подошла ближе. — Колбы с остатками видония. Тигли. Он переплавляет здесь.

Она провела пальцем по ободу циферблата. Под пылью проступила гравировка: шестерёнка с крыльями.

— Тот же знак, что на руке Вейна, — прошептала она. — И на камертоне из архива. — Она помолчала. — Значит, этот подвал — не убийцы. Это подвал основателя.

— Гримма.

— Гримма.

Кайл присвистнул:

— Основатель, часовщик, Пожиратель Времени. Знаете, мисс Кольт, у меня складывается ощущение, что эта школа построена не на болоте. Она построена на трупе собственного мифа.

— Или на имени, которое все боялись произносить вслух, — поправила Ната.

На табурете у часов лежала стопка бумаг. Она развернула верхний лист: чертёж, подробный, с пометками на полях.

— Вот он. Механизм. — Палец пошёл по линиям. — Здесь колёсики. Здесь пружина. А здесь — пустое гнездо, сбоку. Помечено крестиком и подписано: «НАСТРОЙКА».

— Та самая, из микрофильма.

— Она. — Ната наклонилась ниже. — Смотрите: настройка помечена как отдельная деталь. Вставишь — часы пойдут правильно. Не вставишь — пойдут назад. — Она дошла до нижнего края листа, где было приписано мелко, почти нечитаемо. — «Настройка спрятана там же, где ключ. Ключ у той, что носит. Значит, и настройку она найдёт, если поймёт, что носит не просто медальон».

Она вынула медальон из-под рубашки. Старая латунь, выгравированные стрелки, защёлка. Вчера Люциус открыл её и показал, что внутри — ключ. Сегодня она смотрела на медальон иначе.

— Кайл. А если медальон — не просто ключ? — Голос её дрогнул, и она сама этому удивилась. — Что если он — и есть настройка? Не для замка — для механизма. Мы вставили его в дверь Гримма, и он подошёл. А что если он подходит и сюда?

Она потянулась к корпусу часов, нащупала в торце щель — такую же, как в двери, — и вставила выступ.

Щёлк.

На миг ничего не произошло. Потом часы вздрогнули, стрелки дёрнулись — и остановились. Тиканье оборвалось, и в подвале стало тихо, как в склепе.

— Вы их сломали, — сказал Кайл осторожно.

— Нет. — Ната смотрела на циферблат. Из-под стекла, рядом со стрелками, выехала латунная пластинка с гравировкой: «23:58». — Взгляните. Это не поломка. Это завод. Они показывают время — и оно идёт назад, как у всех. Но теперь у меня есть чем его измерять.

— «23:58», — прочитал Кайл. — Меньше суток. И если все часы, что мы находим, показывают одно и то же — это не случайные убийства. Это единый механизм. Один таймер на всех.

— Именно. — Ната вынула медальон. — И тот, кто его завёл, сидит где-то рядом. Возможно, в этой школе. И ждёт.

Она убрала медальон под рубашку. В подвале снова стало слышно дыхание — их обоих.

Тихий гром

— Нам надо выбираться, — сказала она. — И показать это Аврелию. Но сначала, — она обернулась к Кайлу, стоявшему в полумраке с фонарём в руке, — разберёмся с тем, что нас связало. Понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — ответил он. — Вчера у котлов было темно, и я думал, что это жар. Сегодня, здесь, я понял: жар был не от котлов.

— Вот именно. — Она шагнула к нему, сократив расстояние до полушага. — Я не собираюсь играть в недоговорённости, Варрент. У нас впереди, возможно, конец света, и у меня нет времени на лишние слова. Скажи прямо: ты хочешь меня?

Он смотрел долго. В полутьме его глаза блестели, и за привычной надменностью была странная, почти мальчишеская уязвимость — та, которую наследники прячут тщательнее, чем деньги.

— Хочу, — сказал он. — С первого дня, как увидел тебя у фонтана. С этой твоей улыбки, которая говорит «я вас всех раскусила». Хочу с тех пор, как ты нашла труп и не побледнела. Хочу сейчас, в подвале, где пахнет маслом и смертью. Только это не каприз наследника. Это другое.

Ната улыбнулась — по-настоящему, тепло, чем позволяла себе редко.

— Вот теперь ты мне нравишься ещё больше. Потому что признался честно. — Она взяла его за лацканы и потянула к себе. — Покажи мне, на что способны наследники, когда им разрешают быть просто людьми.

Он поцеловал её — жадно, глубоко, прижимая к холодному кирпичу, от которого пахло землёй и старой известью. Ната ответила тем же: запустила пальцы в его волосы, запрокинула

голову, позволила вести. Пахло от него дорогим мылом и чуть-чуть порохом, и в этом запахе было что-то до того надёжное, что у неё на миг сдавило грудь.

— Тише, — прошептала она ему в губы. — Если убийца рядом — спугнём.

— Тогда придётся быть очень тихим громом, — ответил он и, подхватив её под ягодицы, усадил на верстак, туда, где минуту назад лежали чертежи Гримма.

Ната обхватила его ногами, притянула ближе. Он расстегнул её мундир, вжался лицом в ложбинку между грудей, провёл языком по горячей коже; она выгнулась, вцепившись в его плечи, и попыталась дышать ровно — но ровно не получалось, потому что между ними уже было слишком много сказанного честно.

Он сдвинул чашку лифа вниз — не спрашивая, но и не встречая отказа, — и взял ртом сосок: сначала осторожно, кончиком языка, потом глубже, втягивая, и Ната застонала сквозь зубы, прикусив собственный палец. Вторая его рука легла на её живот, расстегнула брюки, скользнула внутрь — и он нашёл то, что искал, влажное и горячее, и выдохнул ей в шею:

— Ты даже не представляешь, как я этого ждал.

— Быстрее, — попросила она, и голос у неё сел. — Я не хочу себя жалеть, если нас прервут.

Он приподнял её бёдра, стянул брюки и бельё вниз по ногам — и вошёл медленно, до конца, и замер, давая почувствовать. Ната выдохнула, обвила его ногами, притянула, и он начал двигаться — глубоко и ровно, с той внимательностью к её телу, которая бывает не от опыта, а от желания не быть эгоистом.

Он менял ритм. То медленный, тягучий, от которого она вцеплялась ногтями в край верстака; то быстрый, почти злой, от которого перехватывало дыхание. Потом перехватил её иначе — развернул спиной к себе, прижал, и вошёл сзади, и Ната, опёршись ладонями о столешницу, запрокинула голову и застонала в голос, забыв про осторожность. Пар и масло, пыль и темнота, а над головой, на стене, тикают часы, идущие назад, — всё слилось в один ритм, в котором она потеряла счёт времени.

— Тихо, — прошептал он ей в ухо, одной рукой сжимая её грудь, другой придерживая за бедро. — Ты обещала быть тихим громом.

— Тогда… — она выдохнула, чувствуя, как внутри поднимается тугая, дрожащая волна, — сделай так, чтобы я забыла, где мы.

Он наклонился над ней, провёл языком по её позвоночнику — от шеи до поясницы, — и она выгнулась ему навстречу. Его рука скользнула между её ног, нашла то место, где всё было натянуто до предела, и он, двигаясь в ней, доводил её этим точным, дразнящим прикосновением, пока она не сжалась вокруг него.

Она кончила первой — остро, беззвучно, вцепившись зубами в собственную ладонь, всем телом прижавшись к верстаку, — и он догнал её почти сразу, выдохнув ей в шею что-то хриплое и почти злое. Несколько мгновений они не двигались, переводя дыхание, и в темноте снова стало слышно тиканье — теперь, казалось, чуть быстрее, чуть настойчивее, как будто часы торопили.

— Ну вот, — сказала Ната, отдышавшись. — Теперь у нас есть повод держаться вместе до конца.

— Повод был и раньше, — ответил Кайл, поправляя воротник, и в его голосе она услышала улыбку. — Просто теперь — с доказательствами.

Они привели себя в порядок, забрали чертежи и тетрадь и поднялись по лестнице. Выбрались через щиток в котельную — и Ната сразу заметила, что крышка, которую они оставили приоткрытой, закрыта.

— Кайл. — Она остановилась. — Мы не закрывали щиток.

Он посмотрел на неё, потом на щиток, потом снова на неё.

— Значит, пока мы были внизу, здесь кто-то был.

— Или щиток закрывают сами. — Ната присела и провела пальцем по краю. На пальце осталось масло, свежее, ещё тёплое. — Изнутри. Потайной ход с двумя механизмами: один открывает снаружи, другой — изнутри. Так делают, когда хотят, чтобы никто не догадался, что дверь вообще есть.

— Или когда хотят вернуться незамеченным, — сказал Кайл.

— Или когда хотят, чтобы тот, кто вошёл, не смог выйти, — добавила она.

Она поднялась, отряхнула колени. Где-то наверху, в главном зале, глухо гудела школа, готовясь к новому собранию.

— Знаешь, что самое страшное в этом подвале? — спросил Кайл, глядя на щиток. — Не мастерская. А то, что тот, кто её устроил, до сих пор ходит по школе, смотрит на нас в столовой, здоровается — и никто не знает, кто он.

— Он не поздоровается, — сказала Ната. — Он спросит, как прошла ночь. И посмотрит на наши руки.

Кайл машинально взглянул на свои — с пылью под ногтями.

— Вот именно, — сказала она. — Пошли искать воду и мыло. И доктора Буша.

То, что мы нашли

У входа в лабораторию их ждал Аврелий — в сюртуке поверх рубашки, с подозрительно невинным видом и с чашкой чего-то, что Ната давно научилась не нюхать.

— А, Кольт. И Варрент при ней. Как мило. Судя по пыли на коленях и по виду людей, которые нашли нечто большее, чем ведра с углём, вы спускались не за хлебом.

Ната усмехнулась, доставая тетрадь и чертёж:

— Вы, доктор, как всегда, невыносимы. Смотрите.

Она разложила чертёж на стойке. Аврелий снял пенсне, протёр, надел — и нахмурился. Провёл пальцем по линиям, по пометке «НАСТРОЙКА», по цифрам — и присвистнул.

— Час от часу не легче. Это же копия чертежа, который я видел в архивах. Вейн показывал. Секретный проект основателей: механизм, способный «перезапускать» время. Мы считали, что это легенда. Страшилка для курсантов. — Он поднял глаза. — А вы, выходит, нашли рабочую версию?

— И мастерскую, где её собирают. Под школой, за щитком у третьего котла.

Аврелий долго смотрел на неё, потом на Кайла:

— Вы вдвоём спускались в подвал, где кто-то собирает часы Пожирателя? Без страховки, без доклада, без всего?

— У нас был фонарь, — виновато сказал Кайл. — И револьвер.

— И друг друга, — спокойно добавила Ната.

Аврелий покачал головой, но в его глазах за усталостью светилось что-то похожее на уважение.

— Ладно. Раз уж нашли — понесём к делу. Но сначала, — он понизил голос и развернул тетрадь к себе, — посмотрим, что за настройку этот часовщик прячет в механизме. Судя по всему, — палец ткнул в пометку, — без неё часы идут назад. С ней — должны пойти вперёд. Если вставить её в тот самый механизм, что стоит в логове, — он сдвинул пенсне на лоб и посмотрел на Нату поверх стёкол, — мы, возможно, остановим отсчёт до того, как стрелки дойдут до нуля.

Ната почувствовала под рубашкой тёплый вес медальона — и на миг задумалась, не является ли то, что она носит, той самой настройкой. Но говорить об этом Аврелию не стала: слишком много людей уже знали про медальон, и каждый новый знающий становился либо союзником, либо целью.

— Тогда, — сказала она, — нам надо найти тот механизм. Быстрее, чем часовщик закончит свой последний экзамен.

— И быстрее, чем он поймёт, что мы побывали у него в мастерской, — добавил Кайл.

Аврелий свернул тетрадь, спрятал в карман сюртука

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.